

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА В СЕСТРОРЕЦКЕ

Близится 22 апреля. День рождения В.И. Ленина - того человека, который смог изменить судьбы целой страны (да что там - судьбы, мировоззрение в целом). Мы не вправе судить о поступках этого человека, его достижениях - все это уже сделано до нас. О событиях 1917 года написано достаточно много. Но все воспоминания, а тем более романы и кинофильмы о начале стройки «светлого будущего», появились значительно позднее событий, перевернувших судьбу России. Поэтому особенный интерес представляют записи сделанные «по горячим следам», человеком далеким от политики. Ниже мы публикуем записки Анны Григорьевны Достоевской, хранящиеся в ЦГАЛИ и напечатанные в 1999 году в сборнике «Достоевский и мировая культура».

А.Г. Достоевская проводила в Сестрорецком Курорте «зимние сезоны» с 1914 года. Она занимала всегда комнату на 3-м этаже лечебницы (ныне Лечебный корпус санатория Сестрорецкий курорт) и в спокойной обстановке приводила в порядок бумаги Федора Михайловича. Курорт был удобен близостью к столице, своей зимней малолюдностью и тишиной.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ ЭПИЗОД ИЗ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Я жила в ту зиму, по своему обыкновению, в Сестрорецком Курорте, в здании лечебницы. Утром 28 февраля я предполагала съездить в Сестрорецк за покупками, но моя горничная, узнав об этом, сказала, что Ружейный завод забастовал и что в городке очень неспокойно. Я отложила поездку на завтра...

...Я подбежала к окну и увидела, что вся широкая аллея, ведущая от станции к лечебнице, заполнена народом. Успела разглядеть, что люди несут ружья и красные флаги. Я мигом вернулась в свою комнату и заперлась на ключ.

Первая мысль была - для чего они идут к нам, да еще с ружьями? Ведь мы не казенное учреждение, а лечебница. Очевидно, цель толпы - громить и грабить! Я тотчас разыскала свои деньги, вложила в портмоне и решила отдать, как только они потребуют. Решила предложить им взять все, что они захотят из моих вещей.

Прошло, может быть, минут пять полной тишины, как вдруг раздался страшный шум входившей или, вернее, ворвавшейся толпы. Она входила с гиканьем,

того стекла. Это разбили стеклянные двери кабинета директора, который унес ключ, а сам, зная о предстоящем посещении, куда-то скрылся.

Все это время я стояла у двери, прислушиваясь, а сердце у меня билось так, что, казалось, оно тотчас же лопнет. Чтоб успокоиться, я хотела выпить воды, но, проходя мимо письменного стола, я увидела на нем две-три высокие пачки с бумагами и письмами из архива моего мужа, приведением в порядок которого я в ту зиму занималась. Страшная мысль промелькнула в голове: если они громят, то разорвут или сожгут мои бумаги и я лишусь этих столь интересных и важных для литература документов! Куда их спрятать, чтоб эти пачки сразу не бросились

рю ей вышибли стекло). Наконец, подошли к № 9-му, пробыли там минут 5 и вдруг я, через дверь, ясно услышала, как какой-то мужской голос произнес слово «Достоевского». Кровь бросилась мне в голову: что это, галлюцинация слуха что ли? Пришла и моя очередь: ко мне стали стучаться в несколько рук. Я тотчас отворила и увидела перед собою человек 30 молодых и старых людей, чисто

Достоевского я должна приписать и то обстоятельство, что толпа ко мне в комнату не входила, а постояла перед дверью и никто не разыскивал у меня под кроватью и под кушеткой, не спрятан ли там министр Протопопов, как это было во всех других комнатах.

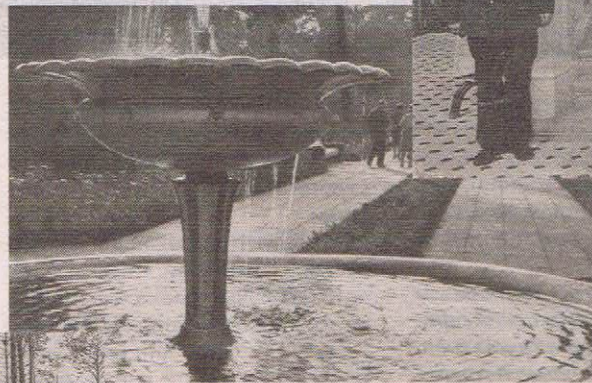
Выяснилось, что толпа приходила к нам арестовать живущего у нас бывшего министра Макарова и поискать, не спрятались ли у нас министр Протопопов, куда-то скрывшийся из дома будто бы в дамском платье.

Уходя, «бунтовщики» оставили у нас часовых внизу, у главного входа и у телефона, и эта стража не сменялась у нас в течение (нескольких) дней. Часовые иные не знали, как употреблять ружья, но с гордостью выстаивали или, вернее, высиживали положенные им часы. Один из часовых хотел познакомиться с оружием и из-за этого много было ранений и, кажется, были даже убитые. Буфетчик их кормил, а мы поили чаем и носили им бутылки.

2 марта 1917 г.

А. Достоевская

Подготовил
Борис РИВКИН

криками и свистами. Толпа чего-то требовала, на чем-то настаивала, но, не получив, очевидно, удовлетворения, начала стучать во все многочисленные двери нижнего этажа. Послышался отдаленный звон разби-

им в глаза? Я и принялась рассовывать письма по разным ящикам и мешкам, чтоб сохранить хоть часть их.

Боже мой, подумала я, ведь в погребе у ресторатора, наверно, найдется вино, они перепьются и что тогда будет? В нашем коридоре кто-то истерически плакал и слышалось, как разбитое стекло (как потом оказалось, одна из соседок вышла к толпе с образом в ките в руках и отворившей две-

одетых и по виду совершенно спокойных.

Не зная, что сказать толпе, я проговорила жалобным голосом:

- Голубчики (мое всегдашнее обращение), не пугайте меня, ведь я старый человек!

В ответ послышалось два-три голоса:

- Да мы ничего... не пугайтесь, что-то в этом роде.

- Ну, так я запро дверь? - спросила я.

- Мы не будем ее беспокоить, - мы уважаем Достоевского.

Вот почему я и слышала свою фамилию. Уважению к памяти До-

